

ДВА КИТА МОДЕРНИЗАЦИИ: КОМПЕТЕНТНОСТЬ И КОНКУРЕНТНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Олег Георгиевич Егоров,
заместитель директора лицея г. Железнодорожного
Московской области, доктор филологических наук

Любое изменение есть перемена предмета обсуждения.

Сесар Айра, аргентинский писатель

Сегодня очевидно, что модернизация образования — не просто реформирование прежней системы, но коренная, принципиальная смена парадигмы, сущности обучения и воспитания. В связи с этим меняется и «предмет обсуждения», сама философия образования. Старый понятийный аппарат уже не отражает суть процессов и проблем учебно-воспитательной работы. Большая путаница возникает, когда вводятся новые термины. Их глубинный смысл не всегда очевиден педагогам. Именно так обстоит дело с тремя фундаментальными категориями, положенными в основу доктрины реформаторов: экономика образования, компетентный подход, конкурентоспособный выпускник.

- реформаторы • экономика образования • компетентный подход
- конкурентоспособный выпускник • познавательная потребность
- знание как ценность

В педагогическом сленге закрепилось выражение «образовательные услуги», которое в понятиях рынка соответствует «предложению» на «спрос» определённого товара. Этот термин укоренился в речевом обиходе и используется без какой-либо соотнесённости с законодательными актами. Между тем в Законе «Об образовании» утверждается, что школа осуществляет «образовательную деятельность», а к «образовательным услугам» относится то, что не подлежит государственной аттестации с последующей выдачей документа государственного

образца. Например, платные курсы. Так, пункт 1 статьи 12 главы II гласит: «Образовательным называется учреждение, осуществляющее образовательный процесс», но отнюдь не оказывающее «образовательные услуги». А вот пункт 6 статьи 14 той же главы поясняет: «Образовательное учреждение в соответствии со своими уставными целями и задачами может реализовывать дополнительные образовательные программы и оказывать дополнительные образовательные услуги (на договорной основе) за пределами, определяющими его статус образовательных программ». Таким образом, часть педагогического сообщества изъясняется на языке рынка,

в то время как законодательная база образования этого не предусматривает.

Реформаторы не допускают никаких обсуждений, а тем более критики этих понятий. Их необходимо принять как социально-педагогические аксиомы. В то время как ни «компетентности», ни «конкурентная личность» таковыми не являются. Эти сущности порождены конкретной культурой, способом мышления и общественными отношениями и применимы к обществу и школе иного типа.

Исходный постулат реформаторов — требование смены парадигмы российского образования. Эта мысль встречается во множестве источников. Приведём её в концентрированном выражении: «Компетентностный подход является усилением прикладного, практического характера школьного образования (в том числе и предметного обучения). Это направление возникло из простых вопросов о том, какими результатами школьного образования школьник может воспользоваться вне школы. Базовая мысль этого направления состоит в том, что для обеспечения «отдалённого эффекта» школьного образования всё, что изучается, должно быть включено в процесс употребления, использования. Особенно это касается теоретических знаний, которые должны перестать быть мёртвым багажом учащегося и стать практическим средством объяснения явлений и решения практических ситуаций и проблем.

Причём особое значение придаётся умениям, позволяющим действовать в новых, неопределённых, проблемных ситуациях, для которых заранее нельзя наработать соответствующих средств»¹.

В этом доктринальном тексте можно выделить три общезначимых с точки зрения главного вектора реформ положения: «школа знаний» переживает кризис; знаниям нужно придать практическую направленность; «ненужные» знания («мёртвый багаж») следует изъять из школьной программы. Последнее положение в тексте выражено неявно, но оно

¹ Компетенции и компетентностный подход в современном образовании // www.zavuch.info

читается между строк. Если «всё, что изучается, должно быть включено в процесс употребления», то очевидно, что отсюда автоматически исключаются знания по астрономии, теоретической физике, древней истории и ещё немало другого.

Подобная доктрина, имеющая широкое распространение на Западе и усиливающая хождение у нас, — составная часть идеологии рыночного фундаментализма, основанного на отказе от лозунга *sapere aude* («дерзай знать»), идущего от Просвещения. Но на проверку оказывается, что кризис переживает не «школа знаний», а традиционная аксиология знания. Подвергнуто сомнению **знание** как абсолютная жизненная ценность. Познание ради познания — величайшее достижение человека как представителя вида *homo sapiens*.

Отечественная культура и школа как её составная часть всегда ориентировались на эту тенденцию европейского Просвещения. Стремительный рывок в 1920—1930-е годы от аграрной крестьянской цивилизации к высотам культуры стал возможен только благодаря неуёмной жажде знаний. Школа была главным проводником и транслятором этого гигантского процесса. Но и она не удовлетворяла всеобщей потребности в знании как непреложной ценности безотносительно к их практическому использованию.

Включённые в рынок, знания утрачивают функцию удовлетворения познавательной потребности, органически свойственной человеку. Знания становятся **товаром**, который обладает лишь потребительской стоимостью. «Логика капиталистического производства и потребления, приложенная к знанию, требует быстрого разрешения знаниевого продукта так же, как и любого потребительского товара с целью, чтобы создать новый товар — зубную пасту, стиральный порошок, автомобили

и знания, причём принципиальной разницы между этими товарами нет»². А вот что пишет по этому поводу видный американский педагог, автор знаменитых книг «Безграмотная Америка» и «Позор нации» Джонатан Козол: «Школа определяет навыки и знания, которые должен получить ученик, как товары и продукты, потребляемые на «рынке образования»³.

Реформаторы, требующие сменить парадигмы отечественного образования, умалчивают по крайней мере о двух важнейших противовесах их кампании. Прагматизация образования обедняет духовный мир человека, не позволяет «совершенному осуществлению целостности нашего существа» (К.Г. Юнг). Эта истина затрагивает представление о человеке и его назначении в мире. В православной и протестантской культурах оно всегда было глубоко различным.

Второй противовес представлен в высказывании Эриха Фромма: «Если труд индивида должен превратиться в деятельность, основанную на его знании и понимании того, что он делает, то необходимы коренные изменения в методах образования, а именно: чтобы в нём с самого начала теоретическое обучение сочеталось с практической работой. Для молодых людей практическая деятельность должна быть на втором месте после теоретической (курсив мой. — О.Е.), для людей же, вышедших из школьного возраста, всё должно быть наоборот»⁴. Всё в точности так, как было в российской дореволюционной, советской и постсоветской школе. Так было и на Западе.

Однако во второй половине XX века Запад отказался от просветительского универсализма в образовании в угоду интере-

² Томуск В. «Глобализация и «обескровливание» национальной политики в области высшего образования» // Герценовские чтения. 2002. С. 183.

³ www.scepsis.ru

⁴ Фромм Э. «Здоровое общество». М., 2009. С. 458.

сам транснациональных корпораций. Ломка многовековых традиций, утрата независимости университетского образования и его преемственности с образованием школьным вызвали ответную реакцию западных интеллектуалов, которые пессимистически оценили конечный результат такого резкого поворота. «Сегодня ситуация ясна, — писал один из духовных вождей Запада и кумир молодёжи поколения «красного мая» 1968 года Жан-Поль Сартр, — промышленность стремится завладеть университетами с целью заставить их отказаться от старомодного гуманизма и заменить его специализированными дисциплинами, предназначенными готовить для предприятий кадры для проведения исследований, младших менеджеров (вспомним слова ректора МГУ В.А. Садовниченко о том, что бакалавры — это будущие лаборанты. — О.Е.), пиарщиков и т.д.

Идеологическое и профессиональное образование также контролируется установленной сверху системой (система начального, среднего и высшего образования) и обязательно выборочно. Доминирующий класс таким образом регулирует образование, чтобы оно давало идеологию и знания и умения, которые позволят исполнять свои функции»⁵.

«Теория компетентностей»

Она ещё более противоречива и спорна, чем новая парадигма образования. В ней отчётливо выделяются две «болевы точки», вызывающие справедливую критику, которую реформаторы, как правило, оставляют без ответа. Но вначале необходимо кратко остановиться на истории этого популярного понятия.

Полемика о компетенциях или компетентностях (в рамках научно-педагогиче-

⁵ Сартр Ж.-П. Защитительная речь в пользу интеллектуалов // www.scepsis.ru 16 июля 2010 года.

ского дискурса эти слова — абсолютные синонимы) давно вышла за рамки образовательной среды и стала предметом политических обсуждений. В 1996 году в Берне прошёл симпозиум под названием «Ключевые компетенции для Европы», на котором с основным докладом выступил Вало Хутмахер. Он представил собирательный образ выпускника средней школы, приложив к нему те необходимые качества, которые хотят в нём видеть члены европейского сообщества: «Политические и социальные компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе, относящиеся к владению общением более чем на одном языке, информационно-коммуникативные компетенции, способность учиться на протяжении всей жизни»⁶.

Если отвлечься от обстоятельств той торжественной обстановки, в которой была произнесена эта речь, и проанализировать её идейное ядро, то вещание пророчества с высокой трибуны обернётся банальностью. В задачу отечественной школы всегда входило формирование социально активной позиции молодого человека; мы столетиями жили в многокультурном обществе и можем быть примером для других в том, что сейчас называют толерантностью, расовой терпимостью и т.п.; профессиональная переподготовка осуществлялась у нас на всех уровнях в течение всей трудовой жизни работника (это подтвердят представители поколения 1960–1970-х). Что касается владения иностранными языками, то здесь всё упирается в количество учебных часов. Если перераспределить часы таким образом, что на иностранный будет не два, а пять часов в неделю, то, естественно, эффект обучения будет иной. Но это уже выходит за рамки разговора о компетенции и относится к принципам формирования учебных планов школ. Информационная осведомлённость и эрудиция также всегда были приоритетной составляющей отечественного образования. Просто с появлением техники нового поколения (компьютера, Интернета) поменялась терминология, расширились каналы получения информации. Мало того, некоторые проблемы, которые остро обсуждаются в западной философии образования, были подняты и ре-

шались нашей школой на 1,5–2 десятилетия раньше. Я пришёл учителем в школу в конце 1970-х и хорошо помню, как в каждом предметном кабинете висел красочный стенд «Учись учиться». Меня, молодого специалиста, наставники учили тому, как вырабатывать у детей навыки овладения знаниями.

Некоторые исследователи справедливо отмечают в этой связи лишь изменение терминологии при сохранении старого содержания: «Понятие компетентности, — пишет М.Е. Бершадский, — не содержит каких-либо новых компонентов, не входящих в объём понятия «умения»; поэтому все разговоры о компетентности и компетенции представляются несколько искусственными, призванными скрыть старые проблемы под новой одеждой»⁷.

Ещё большее недоумение вызывают методы и приёмы, призванные, по замыслу реформаторов, формировать компетентности. Пожалуй, самым популярным из них в настоящее время считается метод проектов. Парадоксальность ситуации в том, что, определяя его как инновационный, одновременно утверждают, что он был крайне популярен в советской школе 1920–1930-х годов. Если же углубить историческую ретроспективу, то окажется, что *idea fixe* проект реформаторов всех времён. Ещё Н.А. Некрасов в 1870-е годы в сатирической поэме «Современники» писал:

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу и дворянину
Плохо спится в наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!

⁶ Мир образования — образование в мире. 2001. № 4.

⁷ www.auditorium.ru, 2002 г.

По мне, так пусть бы старшеклассники писали стихи. Именно в этом проявляется самостоятельность, оригинальность, творчество. Не случайно известные барды, самодельные поэты и исполнители 1960–1970-х вышли из инженерно-технической среды. Это свидетельствует, что гуманитарное образование и культура были у нас на высочайшем уровне. И никому в голову не приходило гуманизировать и гуманитаризировать школу. Обходились без проектов в самой тонкой и творчески изысканной сфере. «Люди, у которых нет знаний, а есть только навыки, не могут стать дееспособными гражданами, но зато они очень дешёвые работники»⁸.

Тесты

В дискуссиях о компетентностях они занимают особое место как способы проверки того, в какой степени школьник владеет умениями. С точки зрения эволюции науки и её исследовательского инструментария тестирование — метод, построенный на принципах, свойственных аппарату исследований XIX века. Согласно положениям классической науки, описание реального состояния какого-либо объекта или системы не зависит от акта наблюдения или существования наблюдателя — все измерительные процедуры и условия наблюдения необходимо рассматривать как субъективные. При процедуре тестирования не принимается во внимание (или принимается в недостаточной степени) состояние «среды», условий её проведения. На это обстоятельство неоднократно указывали исследователи. «Для педагогических явлений характерна множественность интерпретаций и сложная система детерминаций, вследствие чего линейные, простые причинно-следственные зависимости весьма проблематичны»⁹.

⁸ Кагарлицкий Б., директор Института проблем глобализации. «Мы слышком много знаем...» // www.scepsis.ru 2000. №3/4.

Ещё более сомнительны измерения, призванные соотнести степень владения школьниками компетентностями с уровнем социально-экономического благосостояния страны. Именно эту цель преследуют организаторы такой международной олимпиады, как PISA. В рейтингах этой олимпиады Россия стабильно занимает 32–33 место, тогда как по предметным олимпиадам (математика, физика, биология) — 2–3-е.

При анализе методик олимпиад типа PISA необходимо принимать в расчёт два фактора — природные задатки и научение. Исследования способностей человека свидетельствуют, что и помимо школы природная предрасположенность в определённых социальных условиях способствует раскрытию тех свойств личности, которые международное тестирование считает производными от системы образования.

В первую очередь это относится к заданиям прикладного характера, которые высоко котируются в PISA. «Прикладные задачи, — пишет известный британский биолог Мэтт Ридли, — не имеющие чётких предварительных условий, проистекают из жизненных проблем. У таких задач может быть несколько решений, имеющих разную степень эффективности. Уличный бразильский подросток может совершенно не знать школьной математики, но легко считать в уме, когда это ему нужно»¹⁰.

Подобного эффекта можно добиться и с помощью научения, школы. По расчётам организаторов PISA, Финляндия именно поэтому стабильно лидирует в области прикладных задач среди ведущих стран мира. Однако у этой

⁹ Ибрагимов Г.И. Педагогический эксперимент: проблемы и основные направления совершенствования // Педагогика. 2010, № 3. С. 23.

¹⁰ Мэтт Ридли. Геном. М., 2008. С. 110.

проблемы есть и обратная сторона. Школа, ориентирующая учеников преимущественно на решение прикладных задач, развивающая у них определённую сторону интеллекта, делает это в ущерб другому, более важному свойству, отвечающему за «осуществление целостности нашего существа». Эту опасную крайность уловила и истолковала гуманистическая философия задолго до опытов международного тестирования. «Рыночная ориентация оставляет отпечаток не только на чувствах человека, но и на его мышлении. Мышление берёт на себя функцию быстро схватывать ситуацию, чтобы иметь возможность её манипулировать. При более широком и эффективном образовании это приводит к высокому уровню сообразительности, но не разума. Для того чтобы манипулировать, достаточно знать лишь поверхностные свойства вещей, верхи, не имея ни малейшего представления о более глубоких, скрытых сторонах. Большинство тестов на сообразительность ориентированы именно на это мышление. Они проверяют не столько способность разума, способность к пониманию, сколько способность быстрой ментальной адаптации к поставленной задаче.

Характерным свойством этого типа мышления является оперирование категориями сравнения и количественного измерения, а вовсе не тщательный анализ того или иного феномена или его качества. Побудительным мотивом к образованию является не интерес к изучаемым предметам и не стремление к познанию и постижению знания как таковым, а понимание того, что образование повышает меновую стоимость»¹¹.

«Конкурентная личность»

Это второй кит, на который опирается доктрина реформ. Термин, ставший поистине злым демоном современной школы. Ещё 20 лет назад было трудно представить, что солидарное общество водрузит на входе в школу лозунг «война всех против всех». Именно такой скрытый смысл заключён в этом понятии.

¹¹ Фромм Э. Человек для себя. Минск, 2004. С. 114–117.

На одном методическом семинаре я спросил учительницу, которая с энтузиазмом проповедовала идею создания условий для формирования конкурентоспособной личности: а что, если вам действительно удастся воспитать из ваших выпускников конкурентных личностей? Ведь они перегрызут друг другу глотки! Такая постановка вопроса смутила коллегу.

Идея о том, что школа должна формировать конкурентную личность, была выброшена в педагогическое сообщество без предварительного обсуждения так же, как «образовательные услуги» и «компетенции». Но эта идея может иметь более глубокие разрушительные последствия. Ведь в обществе, разрушившем узы солидарности, конкуренция будет иметь «тенденцию к скрыто или слабо протекающей гражданской войне, которая особо просматривается в социальном дарвинизме, где индивидуумы больше не связаны между собой. Они всегда находятся в состоянии войны по отношению друг к другу, поскольку другой — всегда потенциальный конкурент и, значит, потенциальный враг»¹².

Больше всего в кампании модернизации поражают кричащие противоречия между требованием гуманизации и гуманитаризации школы и откровенной проповедью эгоизма под маской конкуренции. Гуманизм и эгоизм — вещи несовместимые! «Фактически идея об эгоизме как основе благополучия оказалась принципом, на котором построено общество конкуренции»¹³. Идея конкуренции исходит не из общественных отношений, а из экономики. Вначале она стала усиленно внедряться в обществоведческо-экономический предметный блок. Но на учебных занятиях ученики и учителя име-

¹² Ален де Бенца. Против либерализма. С-Пб., 2009. С. 13.

¹³ Фромм Э. Человек для себя. С. 187.

ют дело с виртуальной конкуренцией. На других уроках они выслушивают длинные монологи о гуманизме, социальной защите и поддержке, никак не соотносящиеся с жёсткой реальностью рынка. Ведь «взаимоотношения между конкурентами должны быть основаны на взаимном безразличии. В противном случае любой из них был бы парализован в выполнении своей экономической задачи: сражаться с конкурентами, не останавливаясь в случае необходимости перед их экономическим уничтожением»¹⁴.

Ещё выразительнее выделил этический пафос конкуренции выдающийся американский учёный Ноам Хомский, считавший, что перевод образования на рыночные рельсы ведёт к разрушению понятий солидарности и сотрудничества: «Если вы хотите распоряжаться умами людей так же, как командиры распоряжаются своими солдатами, нужно сначала избавиться от вредных понятий взаимопомощи, солидарности, сочувствия, заботы о ближнем»¹⁵.

Как рационально объяснить позитивное восприятие частью педагогической общественности идеи конкуренции применительно к школе? Логика реформаторов проста: мы живём в условиях рынка, рынок требует конкуренции. Следовательно... Именно в этом месте включается механизм манипуляции. Нам внушают, что идея рыночного фундаментализма лежит в основе образовательной реформы (школы осуществляют «образовательные услуги» — вполне правомерная терминология на языке рынка). Но все негативные последствия конкуренции предаются гласности в порядке исключения. Вот что писал об этом крупнейший русский философ конца XX века А.А. Зиновьев, проживший более 20 лет на Западе: «В действительно свободной конкуренции участвует не так уж много предприятий

и предпринимателей. Тон в ней задают сильнейшие во всех отношениях участники, добывающиеся успеха за счёт перераспределения покупательной способности населения в свою пользу. Большинство же действует вне условий свободного соревнования. Высокая экономическая эффективность западного общества достигается за счёт действия множества факторов, среди которых в первую очередь следует назвать трудовую диктатуру, плановость работы предприятий, денежный тоталитаризм, диктатуру банков, государственную политику и контроль, научно-технический прогресс. И лишь где-то совсем не на первом месте следует назвать «свободную» конкуренцию»¹⁶.

Между тем имеется немало примеров того, как на Западе конкуренцию и конкурентную личность теснят отношения высокопродуктивного *солидарного труда*, взаимного доверия и ответственности, без малейшего намёка на нетерпимость к экономическому противнику и создание условий борьбы. И возникли такие отношения в бастионе свободной конкуренции — в США: «Из учебников экономики следует, что две фирмы, работающие в одной местности в близких областях, угнетают друг друга, что между ними возникает обратная отрицательная связь. Лауреат Нобелевской премии по экономике Брайан Артур, работающий в Институте сложности в Санта Фе, показал, что в Кремниевой долине (США) всё было наоборот — обратная связь оказалась положительной! Роль научной и технической среды, сообщества, живущего будущим, была более важной, чем традиционные экономические связи»¹⁷.

Это экономический и социальный аспекты конкуренции и отношений, основанных на сотрудничестве. Но для школы более важен аспект психолого-педагогический. Какое внутреннее состояние

¹⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995. С. 106.

¹⁵ Хомский Н. Приватизация образования — подрыв солидарности // scepis.ru 2000. № 3/4.

¹⁶ Зиновьев А. Запад. М., 2000. С. 135.

¹⁷ www.risk.keldysh.ru

выработается у выпускника школы: будет ли он уверен, что в случае экономических трудностей он найдёт поддержку и опору, или, наоборот, его как слабого подтолкнут в пропасть?

Это не праздный вопрос. Искусство Запада — литература, кино, театр — изобилует примерами жизненных драм, порождённых последствиями конкуренции. У нас всё это приняло уродливые формы, но художники, к сожалению, ещё не создали ничего достойного внимания. Поэтому на школьного психолога ложится большая ответственность: вместе с педагогами попытаться сформировать у молодого человека адекватное отношение к социуму и собственному внутреннему миру. А возможно это только при условии осознания ценностей сотрудничества, коллектива. «Коллектив всегда стремится обеспечить такой образ жизни и такие формы совместного проживания, которые в наименьшей степени подвержены дестабилизации при воздействии сил, действующих в индивиде. При этом не имеет значения, какие ценности представляют эти силы — высшие или низшие. Запрещены не только любые тенденции к дестабилизации коллектива, но и развитие таких тенденций в индивиде»¹⁸.

Модернизация призвана изменить облик страны, а главное — образ человека. К этому устремлены усилия новой философии образования. Педагогическая общественность должна осознать, что она несёт ответствен-

ность за формирование нового поколения. При этом необходимо отчётливо представлять, какие опасности и угрозы ожидают её на этом пути. Над национальной школой, которая формировалась 300 лет, совершается гигантский эксперимент, который, если не учесть этих угроз и своевременно не выстроить систем защиты, может в ближайшей перспективе лишить её собственного лица.

Не в первый раз идущие извне новации приходится адаптировать к национальным традициям образования и культуры. Настораживает та лёгкость, с которой не только школьные педагоги, но и учёные пытаются привнести заведомо неприемлемые идеи и практики. Внушительная сила фразы и аутогипнотических лозунгов порой оказывается сильнее потребности в скрупулёзном анализе наследованных от недавнего прошлого и хорошо знакомых проблем.

Одно дело — царство идей, доказательная сила которых крайне низка, и совсем другое — социально-педагогические практики, не безопасные на национальной почве. Лучшим средством от негативных последствий такого экспериментаторства будет служить полемика, открытая дискуссия, в том числе и с учительской общественностью. А на уровне большой науки должна действовать критическая педагогика. **НО**

¹⁸ Эрих Нойман. Глубинная психология и новая этика. С.-Пб., 2008. С. 44.